Полунин Слава

13.02.98

Известия. – 1998. – 13 февр. – с. 5.

Дом, который построил клоун

Чем Вячеслав Полунин англичан приворожил

Над головами зрителей в старинном театре «Олд Вик» летали три громадных шара. Спектакль давно кончился, но степенные британцы, словно превратившись на два часа в детей, не расходились, каждому хотелось подтолкнуть рукой к потолку шар, продлить общение с миром, населенным грустными чудаками. Миром, который открыл им Слава Полунин, наш клоун-мим.

— Слава, чем все-таки вы приворожили англичан? Даже здешняя критика, привыкшая язвить по всякому поводу, вас носит на руках.

— У англичан ирония, чувство абсурдного — в крови. В то же время они относятся к юмору серьезно. Они могут через месяц или год обсуждать, как комический артист произнес такую-то фразу. У них сильная традиция клоунады — возьмем хотя бы Гримальди или Чаплина. Но завоевать доверие очень непросто. И договориться о выступлении в престижном зале — тоже. Когда я предложил для своего «Снежного шоу» театр «Олд Вик», его руководство поначалу пришло в ужас: как можно? Здесь великие трагики играли Шекспира. А тут клоуны... А потом припомнили, что Гримальди в начале прошлого века именно на этих подмостках выступал. И согласились.

— Вы порядком поколесили со своими партнерами по заграницам. Где у вас лучший контакт со зрителем?

— С американцами проще. Покажешь палец, они уже шумят, кричат. Они люди открытые. Но уходят из зала и забывают про тебя. Чехи — тоже очень благодарная публика. Им, славянам, как и нам, больше свойственно сопереживание, сентиментальность, если хотите. А англичанам сама их натура мешает раскрыться. Они должны быть сдержанными. Хотя часто хотят вырваться за перегородки, которые сами себе установили. Раз поехали мы отдыхать в заповедник, на природу. Ведем себя, как привыкли — до утра сидим на лавочке, спорим, поем под гитару. Вдруг посреди ночи выходят из кустов двое мужчин. Смущаясь, ставят на стол бутылку, спрашивают: можно мы с вами посидим? Оказалось, один — полицейский, второй — банковский служащий. Все у них в порядке, а общения, такого, как у нас, никогда не знали.

— После стольких лет странствий вы не начали себя ощущать скорее гражданином мира, чем собственной страны?

— Естественно, я гражданин мира и, естественно, я русский актер. Здесь не может быть противоречия. Планета у нас одна, границы проведены искусственные. И в то же время у меня мама живет в Орловской области в маленькой деревушке. Все, что у меня есть, — от нее. Она так ручки складывает, и я так же их складываю. И душа у меня славянская. Избушки, которые я волоку по сцене, тоже русские. Смысл представления — построил человек свой дом, зажил мирно. И вдруг на него обрушиваются войны, революции, все идет прахом. Но проходит время, и он снова начинает строить дом. Надежда всегда с нами.

— А свой дом у вас есть? Вы собираетесь где-нибудь пустить корни и остаться?

— Дом — только мечта. Где выступаю, там и живу. Два года в Париже, год — в Нью-Йорке, здесь — два... И семья со мной. Трое сыновей учатся в школе при российском посольстве. Я могу купить дом, но потом перееду в другую страну. Будет не то. У меня, правда, есть дом в Ленинграде (так он и называет город по привычке. — **В.С.**), но я давно не был там. Кочевая жизнь.

— Но по крайней мере материальное благополучие удалось создать?

— Тут нужно выбирать. Что выберешь, тем и станешь. Это на роже написано. Публика не пойдет на меня, если на роже будет написано: «Материальное благополучие». Я выбрал другую дорогу. Мне интересно то, что у меня на сцене. Я пытаюсь вернуть человека в то состояние, когда он был ребенком и любил мир, который вокруг него. А деньги... Я всегда могу заработать, сколько захочу. Начну вкалывать круглосуточно и получу. Но ради чего? Недаром буддисты считают: хочешь избежать трагедий — не гонись за мирскими благами.

— В России опасность быть осыпанным мирскими благами артисту сегодня вряд ли угрожает.

— Как только нахожу интересную идею, которую могу применить в России, я сразу в нее вцепляюсь. В последний раз такую попытку сделал перед 850-летием Москвы. Думал показать лик XX века через клоунаду — люди бы увидели клоуна-философа, клоуна-поэта, клоуна-анархиста... разных современных типажей. Ради этого пригласил несколько звезд мирового класса. Они согласились. С начальником управления культуры Москвы договорился. А потом вижу — деньги куда-то исчезают. Мне втолковывают: «Нужно что-то попроще, массовое. На этой площади выступать нельзя, здесь пойдут депутаты. А на другой площади — тоже нельзя. Неправильно поймут».

Я все это уже слышал. Когда еще до распада СССР мы организовали «караван мира», министр обороны дал нам для шоу на Красной площади платформы, оставшиеся после демонтажа ракет СС-20. Но выступали мы ночью. Днем не позволили — испугались, что неправильно поймут. Сейчас повторяется то же самое. Искусство вынуждено приспосабливаться к власти.

— А может, вы говорите так под влиянием чувства обиды? Ведь ваш проект не прошел...

— Я не отношусь к моим проектам как потребитель. Понимаю, люди пенсии не получают, зарплату. У Минкульта нет денег. И все же горько, что настоящая культура остается на обочине. В ходу культура развлекательная, или, как в 20-е годы говорили, нэпманская. Хотя именно тогда театральное, изобразительное искусство получило заряд, который мы ощущаем по сей день. Такое случается, наверно, раз в тысячу лет. И все же в 93-м году я пытался воплотить у нас в Питере идеи Мейерхольда, Таирова, которых считаю своими учителями.

Есть теория театра жизни. Она гласит: жизнь настолько сера, будничка, что требуются режиссеры, которые создадут ее в многоцветии красок. Помня об этой теории и об объединении «Хлам» (художники, литераторы, актеры, музыканты), существовавшем в 20-е годы, я организовал первый за 70 лет карнавал. Была ночь ангела — белая, ночь дьявола — черная, ночь Бахуса. Три дня и три ночи 300 человек не ходили домой. Это был сюрреалистический мир.

— Значит, и у нас такое возможно...

— Да, мне хотелось испытать — реальна или не реальна у нас альтернативная культура. Потом устроили фестиваль «Бабы-дуры». Это была попытка помочь феминистскому движению, которое у нас только зарождалось. Приехали знаменитые клоуны со всего света, выступали на пяти сценах. И еще тогда же попытался внедрить новый для России жанр, соединяющий живописное пространство и актерскую среду. В Сочи во время кинофестиваля это удалось... Тогда я вернулся в Россию после работы в «Солей» — самом знаменитом цирке на Севере Америки. Деньги были, контакты. Но деньги кончились. Пробивался к мэру, но тот меня даже не принял. Спонсоры, бывало, дадут 5000, 10000. Получалось — год ищу деньги, два месяца работаю. Опять ищу деньги. И понял: не нужен я стране.

— Неужели все так беспросветно?

— Нет, не все. Когда Рязанов позвонил и предложил сняться в его фильме («Привет, дуралеи!» — **Ред.**), я бросил гастроли и прилетел. Еще пример. Миша Шемякин выставлялся в Эрмитаже. Я прилетел и сделал по его полотнам спектакль за три дня. Как бы ожившие картины. Но играли мы всего один день. А за границей за эту идею ухватились. Мы реализовали ее в Дрездене, потом в Лондоне. Сейчас готовимся к карнавалу в Венеции. Шемякин сделал к нему статую Казановы. Мы будем ее открывать. Я собираю питерцев со всего света, чтобы показать их в Венеции. Туда поедут артисты театра «Дерево», который выступает в Дрездене, композитор Роман Дубинников.

Вы не представляете, как питерских наших собратьев по всему свету разбросало. Приезжаю в Глазго и обнаруживаю наш театр «Шарманка». В нем из дерева сделаны фигуры, существующие своей механической жизнью. Театру дали место в Музее современного искусства, он там выступает.

— Грустно это, правда?

— Ужасно грустно. По-моему, от деятелей настоящей питерской культуры сейчас процентов двадцать в России осталось. Остальные за границей. Я с ними стараюсь поддерживать связь. У меня дом как клуб. Приезжает «Наутилус-Помпилиус», общаемся. Борис Гребенщиков день рождения у меня отмечал. То есть мы работаем в Англии, а живем по-нашему.

— А как на это соседи реагируют?

— Меня выгоняли отовсюду. Соседи сверху жаловались: «Ой, очень долго вы вчера плясали». Соседи сбоку говорили: «Ой, ваши мальчики запускали самолеты с балкона». Тогда я стал соседей звать на спектакли. Теперь они присылают письма: «Делайте что хотите, когда хотите. Если когда-нибудь пригласите на представление, будем рады».

— И все же, как ни удачно в Англии все складывается, наверно, у вас есть на уме проект особенный, предназначенный именно для России...

— Какое лучшее время в Питере? Белые ночи. Я хочу устроить в одну из таких ночей свадьбу для 500 пар. Вообразите: по одной стороне Невского идут невесты и женихи в белом, по другую — в черном. Их сопровождают девочки из балетного училища в белом, мальчики их хорового училища — в черном. На ходулях — белые ангелы, черные ангелы. У Казанского собора установлен белый помост. Патриарх венчает. Продолжение — парад беременных женщин, парад матерей с колясками, парад двуспальных кроватей.

Заключает церемониал банкет для молодоженов и их родных. После банкета молодожены садятся на корабль. Рядом оркестр, дирижер на башенном кране, исполняется марш Мендельсона. Гудки пароходов. Молодожены отправляются в круиз вокруг Европы, останавливаются в Гамбурге, Амстердаме. Это событие притягивало бы в Питер туристов, как, скажем, карнавал в Венецию.

— А средства?

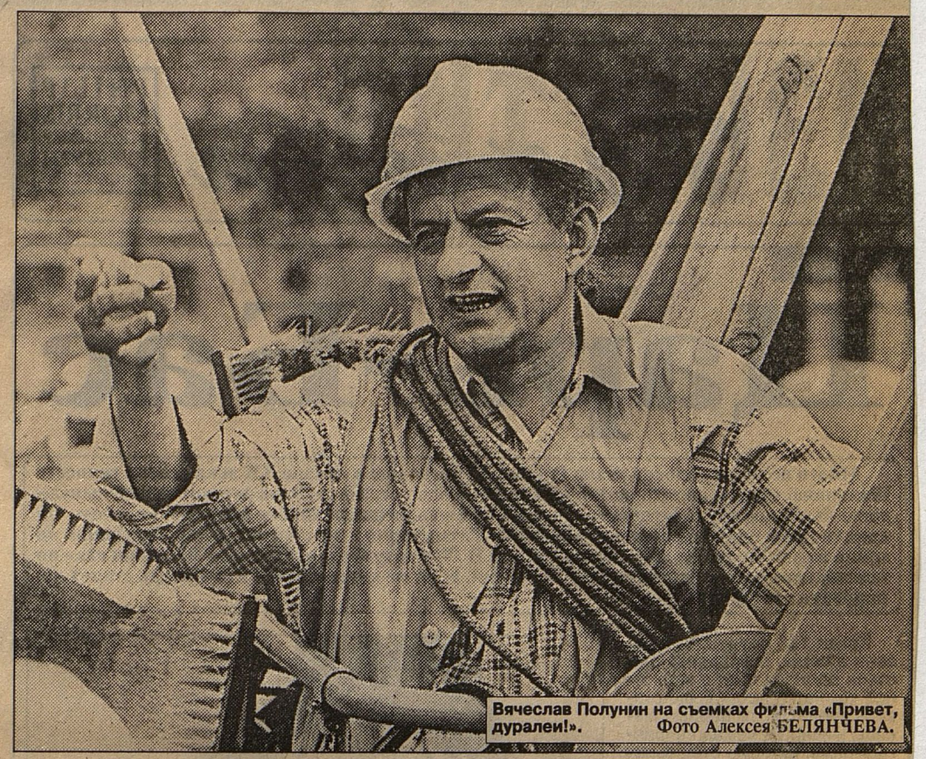
— Для «каравана мира» мы добыли 3 миллиона долларов. И сейчас деньги бы нашлись.

— Каковы шансы, что проект осуществится?

— Он передан на рассмотрение нынешнему мэру Петербурга...

Владимир СКОСЫРЕВ,
«Известия».

ЛОНДОН.



Вячеслав Полунин на съемках фильма «Привет, дуралеи!». Фото Алексея БЕЛЯНЧЕВА.